

ПРАВО НА РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА

А. КОНОВАЛОВ

Часть первая

У человека много прав, их соблюдение и реализация становятся миссией многих людей и организаций. Но хочется спросить: должно ли у человека быть право на разрешение своего конфликта? Или даже предельно жёстко: своей криминальной ситуации. Здесь говорится «своей», поскольку именно обвиняемый и жертва должны быть наиболее заинтересованы в собственном участии в достижении справедливости.

В Москве три 16-летних подростка, будучи немного выпившими, пристали к несовершеннолетнему Константину. После слов «дай закурить» нанесли ему несколько ударов. На крики потерпевшего выбежала его мать Галина, которую обидчики повалили на землю, порвали шубу и также избили. Обвиняемые были задержаны, свою вину они полностью признали, и дело было передано в суд.

Безусловно, совершено преступление, и обидчики... А дальше возникает вопрос: что же теперь могут и должны сделать обидчики (если они признали свою неправоту и раскаялись)? В чём заключается их ответственность?

На этот счёт существует несколько позиций¹. И первое слово — представителю так называемого **карательного подхода**: *подросток должен понести наказание в соответствии с законом. При этом подросток имеет право в соответствующем процессе защищаться (сам или через адвоката).*

Как мы видим, здесь речь идёт о причинении ответной боли, страдания в ответ на боль созданную преступлением. Подросток (и его родители) всеми силами стараются доказать невиновность, в том числе с привлечением адвоката. Но что реально зависит от подростка-обидчика? Только нахождение им аргументов, оправдывающих собственное деяние. Если же он попадёт в колонию, то он начинает усваивать уголовную культуру, обрастать криминальными связями, терпимо относится к преступлениям. Как верно заметил судья Д. Чалин² о подростках в системе уголовного правосудия:

«Мы хотим, чтобы они отвечали за свои поступки...

Поэтому мы лишаем их ответственности за всё.

Мы хотим, чтобы они были частью общества...

Поэтому мы изолируем их от общества.

Мы хотим, чтобы их жизнь была позитивной и конструктивной...

Поэтому мы унижаем их и делаем их бесполезными.

Мы хотим, чтобы они не были жестокими...

Поэтому мы отправляем их туда, где жестокость окружает их.

¹ Подробнее см. Г. Бейзмор «Три парадигмы ювенальной юстиции» // Восстановительная ювенальная юстиция. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2005 (в печати).

² Making it right: a common sense approach to criminal justice by Dennis A. Challeen. Melius&Peterson Publishing Corporation. 1986, Pp. 37-39. (Деннис Чаллин. «Исправляя содеянное: здравый подход к уголовному правосудию»).

Мы хотим, чтобы они были добрыми и любящими людьми...

Поэтому мы подвергаем их ненависти и жестокости.

Мы не хотим, чтобы они были «крутыми»...

Поэтому мы отправляем их туда, где «крутых» уважают.

Мы не хотим, чтобы они были в обществе неудачников...

Поэтому мы собираем всех неудачников под одной крышей.

Мы хотим, чтобы они не эксплуатировали нас...

Поэтому мы помещаем их туда, где они эксплуатируют друг друга.

Мы хотим, чтобы они сами контролировали свою жизнь, решали свои проблемы и перестали паразитировать...

Поэтому мы делаем их зависимыми от нас.

Не желая отправлять подростка в колонию, суд приговаривает его к условному заключению. Но большинство подростков воспринимают это как избавление от назойливых взрослых. А в подростковой субкультуре получение условного срока скорее поднимет рейтинг подростка.

Второй позицией, распространившейся в мире и становления которой в России добиваются некоторые наши коллеги, является организация социальной работы с несовершеннолетними преступниками. Слово представителю подхода **«государство-родитель»**: *поскольку государство недоглядело за подростком-правонарушителем, не смогло воспитать его должным образом, то пусть теперь оно его довоспитает. Подросток имеет право на социальную помощь; ответственности на нём нет, поскольку он «является жертвой обстоятельств». Фактически ответственность как бы перекладывается на государство: в работу включаются социальные педагоги, психологи и пр.*

Теперь представьте малолетнего преступника, совершившего порой не одно злодеяние, которому вместо передачи ответственности начинают впихивать что-нибудь психологическое или развлекательное, пытаются заинтересовать чем-нибудь досуговым. Малолетний преступник понимает, что он никому ничего не должен и взрослыми можно управлять. И что мешает ему совершать новые преступления в перерывах между посещением различных секций?

В других странах, попробовав работу на основе этой модели, получили всплеск подростковой преступности и под давлением общества начали откат назад к карательной модели.

И, наконец, **восстановительное правосудие**. Это означает, что именно сами участники криминальной ситуации имеют право и (при желании) могут разрешить свой конфликт, каким бы болезненным он ни был. Это происходит в ходе диалога сторон, который концентрируется на нуждах и потребностях жертвы (возникших в связи с преступлением). Ответственность обидчика понимается как заглаживание причинённого жертве вреда. Также подросток и его семья разрабатывают план предупреждения повторения подобного в будущем.

Понятно, что даже имея внутреннюю потребность в диалоге и собственном урегулировании конфликта, сделать это сторонам непросто: слишком многое их разъединяет. Поэтому появляется позиция ведущего встречи — как **нейтрального** посредника [Принципиальное отличие от судьи (даже третьей стороны) в том, что посредник не выносит никакого решения, а только организует переговорный процесс], организующего весь процесс переговоров.

Вернёмся к нашему конкретному примеру. Поскольку все участники высказали желание встретиться и в ходе диалога восстановить справедливость, была организована примирительная встреча, на которой мы выступали в роли ведущих. На встрече потерпевшие рассказали, что само событие преступления было для них очень болезненно. Что подростку было очень страшно в момент драки, а его мать боялась, что обидчики или их друзья позже будут мстить. Что им пришлось истратить на лечение деньги, отложенные на летний отпуск, и теперь они вынуждены летом остаться дома. Впервые обидчики услышали картину события не с точки зрения закона, а с точки зрения реальных людских переживаний. Поскольку встреча проходила без давления на подростков, они внимательно слушали и стремились понять переживания потерпевших, а затем извинились. Извинения были приняты потерпевшей стороной, которая посчитала их искренними. Затем обсуждались способы выхода из создавшейся ситуации и заглаживание причинённого вреда...

Существует несколько предубеждений относительно восстановительного правосудия, с которыми нам приходилось сталкиваться. Часто говорят: обидчики всегда будут только стремиться избежать наказания, а жертвы думать только о возмещении ущерба, и поэтому лучший способ влияния на обидчиков — это наказание. Однако десятки проведённых в примирительных встречах доказывают, что дело обстоит иначе. С точки зрения каких корыстных интересов можно объяснить приход обидчиков на программу после суда? Или отказ жертвы от возмещения ущерба и даже заботу о будущем нарушителя, его учёбе и т.п. (вплоть до приглашения к себе на работу). А также тот факт, что повторно совершают преступление 1% из числа прошедших программу примирения подростков, а по стране число подростковых рецидивов 14,5%³.

...Для нас было важно, что извинения были приняты потерпевшей стороной. Кроме того, в деле присутствовал ущерб (порванная шуба и др.). Стороны договорились, что обвиняемые берут деньги у родителей «в долг» и выплачивают причинённый ущерб. Затем они устраиваются на работу в «Ростикс» и в течение 3 месяцев отдают родителям взятые в долг деньги. И ещё: они перестали употреблять алкоголь (что подтверждается информацией от социального работника). В этом заключалась их ответственность, и жертву это удовлетворило. Позже мы созвонились с обвиняемыми и узнали, что все подростки отдали родителям деньги. Подписанный сторонами примирительный договор был передан в суд, подростки получили условный приговор.

Часть вторая

Итак, что же такое восстановительное правосудие?

Если рассматривать зарождение восстановительного правосудия, то оно стоит «на двух ногах», находящихся по разные стороны земного шара как территориально, так и культурно. Одной «ногой» оно опирается на примирительные встречи несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших, которые в 1974 году начали проводить в штате Пенсильвания⁴. Несколько подростков совершили серию проникновений в жилища граждан, где испортили часть имущества. После некоторых колебаний судья разрешил представителям общины организовать с обвиняемыми подростками работу, направленную на их ответственное по-

³ Данные Верховного Суда РФ.

⁴ Родоначальником восстановительного правосудия является Х. Зер. См.: Х. Зер. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр СПР, 2002.

ведение. Ребята прошли по домам, где они совершили преступления, стучались и говорили, зачем пришли. В некоторых домах встретиться с ними отказались, а в некоторых согласились. И в спокойной обстановке, за чаем подростки услышали переживания своих жертв. В конце подростки приносили извинения и брались для заглаживания вреда выполнить различную работу по дому или на благо общине.

Вторая «нога» — это общинные традиции племён маори в Новой Зеландии, где в случае преступления на совет собирается всё ближайшее окружение обидчика и другие представители племени. Они знают, что преступление — общая беда и бороться с ней нужно сообща. Поэтому все участники собрания стремятся оказать поддержку подростку и его семье в решении создавшейся ситуации. В результате подросток со своей семьёй составляет план разрешения ситуации, и работа над этим планом будет продолжаться до тех пор, пока с ним не согласятся все остальные участники, включая потерпевших, представителей полиции, социальных работников и т.д.

Поскольку программы имели успех, восстановительное правосудие распространилось по многим странам мира: Канада, США, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Норвегия, Финляндия, Франция, Польша, Чехия и др. И в настоящее время восстановительные программы приобретают всё больший размах в России [*Сразу подчеркну, что в пока работа идёт по делам, где в качестве обвиняемых проходят несовершеннолетние подростки*]. При этом, на наш взгляд, Россия имеет не менее глубокую традицию общинного взаимопонимания и поддержки людей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях.

Представьте себя на время ведущим примирительных встреч. Перед вами двое конфликтующих, они ждут от вас начала встречи. Давайте подумаем: почему они согласились на встречу? Обидчику важно разрешить дело без разбирательства, с минимальным наказанием, часто ему важно извиниться. Для жертвы важно возместить ущерб, услышать признание несправедливости случившегося, выговориться, получить ответ на вопрос: почему именно она стала объектом агрессии? Поскольку с обеими сторонами по отдельности вы уже встречались (перед программой посредник обязательно встречается с каждой из сторон отдельно и выясняет её потребности, отношение к случившемуся и желание участвовать в примирительной встрече) и стороны дали своё согласие на участие, то вы знаете, что же привело стороны на встречу. В любом случае, поскольку они здесь, то они хотят разрешить конфликт, понимая это как лучший выход из создавшейся ситуации. Сложность для начинающих ведущих состоит в том, что им кажется, будто на них лежит ответственность за разрешение ситуации. Они хотят посоветовать участникам, отругать их или, наоборот, сказать, чтобы больше так не делали. Но это не приведёт к успеху переговоров, поскольку только сами стороны знают, что для них лучше. Ваша задача помочь им конструктивно поговорить (для чего ведущий использует техники открытой коммуникации). А каков будет результат переговоров (и договорятся ли они вообще) — это уже их дело.

То есть восстановительное правосудие возвращает право на разрешение конфликта самим сторонам. Не судьи, не специалисты (социальные педагоги, психологи и пр.), а сами участники ситуации (и, возможно, их ближайшее окружение) должны найти выход из конфликтной/криминальной ситуации и составить план реабилитации подростка.

Рецинджер и Шефф говорят: «За достижением соглашения скрывается менее заметный процесс — процесс символического возмещения. В него вовлечены социальные ритуалы уважения, вежливости, извинения и прощения, которые действуют, похоже, независимо от достигнутой словесной договорённости.

Символическое возмещение зависит от динамики развития эмоций и состояния социальных связей между участниками встречи. Идеальный результат с точки зрения символического возмещения состоит из двух шагов. Сначала правонарушитель ясно выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Жертва, в ответ, предпринимает, по крайней мере, первый шаг на пути к прощению правонарушителя. Эти два шага можно назвать «восстановительными действиями».

«Восстановительные действия» способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем. Воссоздание этой связи символизирует более значительное восстановление в сравнении с тем, которое произойдёт между правонарушителем и другими участниками, полицией, общиной. Несмотря на то, что эмоциональный обмен, составляющий основу «восстановительных действий», может быть весьма кратким (возможно, несколько секунд), именно он является ключом к примирению, удовлетворению жертвы и снижению количества повторных преступлений.

«Восстановительные действия» оказывают своё влияние также и на соглашение о возмещении ущерба. За примирением на эмоциональном уровне, как правило, следует достижение соглашения, которое удовлетворяет всех участников. Без наличия «восстановительных действий» путь к соглашению полон препятствий: какое бы соглашение ни было достигнуто, оно не снижает общего напряжения и оставляет участников с чувством неудовлетворённости. В связи с этим чрезвычайно важно, по крайней мере, уравнивать в значимости символическое возмещение и соглашение о материальной компенсации»⁵.

Часть третья

Итак, вроде бы восстановительное правосудие положительно влияет и на потерпевших, и на правонарушителей, и на само общество. Но как обвиняемый, желающий примириться с потерпевшим (в соответствии со статьёй № 76 УК РФ) может своё право реализовать? Теоретически примирение с прекращением дела возможно ещё на стадии следствия. Однако существующая в следствии отчётная система (количество полученных дел должно быть равно количеству переданных в суд, иначе следователь будет «вызван на ковер») вынуждает следователя не способствовать примирению. Впрочем, в обязанности следователя не входит разъяснение права сторон на примирение (в отличие от работавших до революции приставов, которые были обязаны вначале предложить сторонам примириться). Нам известны случаи прямых угроз со стороны следователей: «Только приблизься к жертве, я тебе такую жизнь устрою!». Мотив следователей — опасение, что обвиняемый начнёт влиять на потерпевшего. Поэтому многие обвиняемые, желающие загладить ущерб, не имеют возможности это сделать. А в это время жертва представляет себе обвиняемого бессердечным и нераскаявшимся.

Вторая возможность примириться — сделать это во время суда. Однако соревновательный процесс, особое положение обвиняемого (в клетке), давление судей на жертву в угоду процессу, основная роль представителей государства

⁵ Рецинджер С., Шефф Т. Стратегия для общинных конференций: эмоции и социальные отношения // Вестник восстановительной юстиции № 3. М.: Центр «СПР», 2001.

(прокурор и адвокат — обычно предоставляемый государством) практически исключают для обвиняемого возможность делать шаги навстречу примирению и заглаживанию вреда.

Можно удивляться, что всё-таки были подростки, которые (при поддержке родителей, а порой и самостоятельно!) находили в себе силы прийти жертве и покаяться. Приходили, преодолевая страх показаться слабыми, услышать ответную агрессию или быть обвинёнными в давлении на жертву.

Также как и обвиняемые, жертвы теряются в судебном процессе, в профессиональных словах. Ну откуда потерпевшая может знать, что в ответ на слова судьи: «Хотите ли вы заявить ходатайства?» — она как раз может сказать, что примирилась с обвиняемым и просит прекратить дело?

У потерпевшей К. пропал мобильный телефон, о чём она заявила в милицию, где было возбуждено уголовное дело. Однако скоро она выяснила, что вором является её молодой человек, который был вынужден пойти на преступление, чтобы вернуть долг. Через несколько дней молодой человек покаялся и купил новый телефон, все помирились. А дело тем временем дошло до суда. На каждый вопрос судьи, есть ли у потерпевшей ходатайство, та заявляла: «Я хочу прекратить дело!» Судья ходатайство отклоняла. Молодой человек получил условный срок (и соответственно судимость).

Всё это заставляет людей, желающих помогать людям примиряться, разрабатывать специальные технологии, в которых основная роль ложится на посредника между сторонами и на координатора, согласующего позиции следствия, суда, адвокатов и т.д.

Часть четвёртая

Разумеется, мы не тешим себя мыслью, что восстановительное правосудие разрешит все проблемы. Для ряда ситуаций (таких как терроризм, организованная преступность и пр.) восстановительное правосудие не подходит и, наверно, необходимо карательное. Возможно, для некоторых детей (особенно сирот) модель социальных услуг окажется единственно приемлемой. Кроме того, восстановительные программы проводятся только добровольно, что также ограничивает число участников программ. Но наше стремление в том, чтобы все участники криминальных ситуаций **знали** о восстановительном правосудии и при желании могли воспользоваться возможностями восстановительных программ.

Примирительными программами занимается не только наш центр, они находят себе сторонников в комиссиях по делам несовершеннолетних (КДН), социальных центрах, школах, подростковых клубах и т.д.

Наверно, наиболее ярко активизация ресурсов сообщества проявляется в «школьных службах примирения». Школа, в которой сконцентрированы дети разных возрастов и организующие их деятельность взрослые, нуждается в ответе на вопрос: что делать с возникающими конфликтными ситуациями? С одной стороны, школа не стремится выносить эти ситуации вовне, опасаясь за свою репутацию, а с другой — педагоги владеют в основном административно-карательным способом реагирования на конфликты. Появившиеся в школе социальные педагоги начинают использовать модель социальных услуг. И практически никто не ставит задачу передачи ответственности за происходящее в под-

ростковом социуме (в том числе и конфликты) в руки самих подростков. Хотя, казалось бы, на этом и должно строиться школьное самоуправление, о развитии которого слышно со всех сторон. И, казалось бы, право и ответственность за становление атмосферы в своём коллективе должны принадлежать его участникам.

Отсюда появилась модель школьной службы примирения, в которой посредниками работают *сами ученики школы*. Это позволяет не только разрешать конфликты между сторонами путём диалога, но и социализирует подростков, находящихся в позиции ведущего примирительной встречи. Есть версия, что чем больше подростков побывают в этой позиции, тем лучше для общества.

Веер ситуаций, с которыми работали школьные службы примирения в разных городах, достаточно широк:

- конфликты учитель-ученик;
- конфликты между учениками;
- конфликты между классами;
- ситуации изгоев (отверженных);
- ситуации, близкие к криминальным (когда формально участники не достигли возраста уголовной ответственности, но фактически есть обидчик и жертва: вымогательство, кражи, избиения и драки, вандализм и пр.);
- длительные (многочесячные) прогулы;
- подростковые «стрелки» и т.д.

Во всех этих ситуациях подросткам удавалось «взять судьбу в свои руки» и разрешить ситуацию, а значит, им можно доверять.

В заключение ещё раз хочется подчеркнуть, что если люди хотят примириться и договориться о разрешении своего конфликта, то общество, а тем более правоохранительные органы, не должны этому мешать. Ведь, в конечном счёте, все мы заинтересованы в том, чтобы нас окружали ответственные люди.

